

Р ъ Ч ъ

при погребеніи бывшаго ректора Смоленской духовной семинаріи, протоіерея Данила Петровича Лебедева.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе (Евр. 13, 7).

Предъ нами гробъ чловѣка, стяжавшаго неотъемлемое право на эту священную и почетную память. Печальнымъ обрядомъ этимъ мы отдаемъ послѣдній долгъ досточтимому наставнику нашему, незабвенному о. Данилу. Кому изъ многочисленной семьи пастырей Смоленской епархіи незнакомо это имя? Отъ дней юности почти до смерти, отъ школьной скамьи, почти до гроба, жизнь почившаго посвящена была воспитанію духовнаго юношества, приготовленію пастырей церкви Христовой.

Родная семинарія наша—это поле бывшей дѣятельности почившаго. Здѣсь болѣе четверти вѣка уста его возвѣщали слово Божіе, здѣсь онъ прошелъ всѣ степени духовно-учебной службы: наставника, инспектора и наконецъ ректора и думаемъ, что имя его не пройдетъ незамѣченнымъ и безцвѣтнымъ въ ея лѣтописи. Да, до-

стотимый наставникъ нашъ, не безплодно для церкви Божіей и отечества, совершилъ ты теченіе своей жизни: по крайней мѣрѣ девять десятыхъ наличнаго состава духовенства Смоленской епархіи — ученики твои, которые представляютъ живой памятникъ твоей долготѣи и многоплодной дѣятельности. А сколько лицъ, на разныхъ иныхъ служебныхъ поприщахъ разсѣянныхъ по лицу земли родной, которыя съ своимъ воспитаніемъ также неразрывно связываютъ твое доброе имя и память?!

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе. Въ эти послѣднія минуты вѣчной разлуки, послѣдняго видимаго общенія съ тобою, дорогой наставникъ, и нравственный долгъ и естественныя чувства побуждаютъ принести тебѣ отъ лица учениковъ твоихъ, пастырей Смоленской паствы, глубокую признательность за тѣ особенности твоей многосторонней педагогической дѣятельности, которыя имѣли неотразимое вліяніе на наше умственно-нравственное развитіе, за тѣ добрыя сѣмена, которыя ты сѣялъ въ наши души. При воспоминаніи школьнаго періода времени нашего семинарскаго образованія, какъ живой, встаетъ передъ нами духовный образъ твой. Главная выдающаяся черта твоей богато одаренной, цѣльной натуры — это глубокой философскій умъ. Способность проникать въ существо вещей, широкій анализъ, здравая, глубокая мысль, мѣткость и типичность самаго языка ясно сказывались въ рѣчахъ и сужденіяхъ твоихъ и придавали имъ неотразимую силу и дѣйствіе. Эти выдающіяся качества твоего ума, этотъ даръ Божій, видѣли и достойно цѣнили всѣ, знавшіе тебя. А мы, ученики, благоговѣли, преклонялись предъ силою и могуществомъ твоего ума. Эта черта составляетъ уже высокое, незамѣнимое достоинство учителя, ибо гос-

подство ума — не внѣшнее господство, не господство властолюбія, а нравственное господство высшей духовной силы, предъ которой невольно преклоняешься или, вѣрнѣе, подъ власть которой охотно отдаешься. Высокія качества твоего ума сказывались предъ нами во всей твоей педагогической дѣятельности. Прежде всего для насъ остались памятными твои объясненія высокіхъ христіанскихъ истинъ на урокахъ по догматическому богословію. И по содержанію и по методу они отличались особенностію, нѣкоторою оригинальнію, носили характерный отпечатокъ твоей личности. Всестороннее уясненіе предмета, основательность, свойственная тебѣ глубина мысли составляли отличительное качество твоихъ уроковъ. Преподаваніе своего предмета ты не ограничивалъ изложеніемъ только христіанскаго вѣроученія или христіанскихъ догматовъ на основаніи Свящ. Писанія и свято-отеческихъ преданій — нѣтъ, принятое вѣрою ты старался прояснить посредствомъ разсудочныхъ доказательствъ и знанія, истины христіанскія подтвердить данными науки и опыта. Въ основаніи такого направленія твоего преподаванія, ясно, лежала высокая цѣль. Ты желалъ насадить въ сердцахъ нашихъ, какъ будущихъ пастырей, вѣру сознательную, разумную, а не слѣпую, основанную на одномъ лишь механическомъ воспріятіи догматическихъ основоположеній, и въ результатѣ достигалъ намѣченной цѣли. Христіанскія истины, воспріятыя вѣрою и освѣщенные разумомъ, складывались въ юныхъ неповрежденныхъ сердцахъ нашихъ въ полное и прочное религіозное убѣжденіе. Такимъ разумнымъ преподаваніемъ ты сѣялъ добрыя сѣмена; ты, если можно такъ выразиться, *плѣнял насъ въ послушаніе Христу*. (2 Кор. 10, 5.) Методъ твоего преподаванія чуждъ былъ строгой методичности, скучна-

го однообразія; ты призывалъ къ умственной дѣятельности всѣхъ твоихъ слушателей; урокъ твой представлялъ усиленную, дружную работу цѣлаго класса обнять, подѣ твоимъ руководствомъ, всѣ стороны разсматриваемаго предмета. Требовалось вниманіе, находчивость, быстрота соображенія и за то... часовой урокъ пролеталъ минутами.

Незабвенною останется для учениковъ твоихъ и семинаріи другая черта твоей педагогической дѣятельности. Время нашего образованія въ семинаріи было временемъ перехода отъ старой схоластической церковной проповѣди къ новой устной и живой, было временемъ возрожденія церковнаго проповѣдничества. Для разумной постановки и успѣшнаго хода дѣла недостаточно было изученія однихъ теоретическихъ правилъ гомилетики и критическаго разбора проповѣднической литературы; нуженъ былъ живой примѣръ, требовалась умѣлая рука, обладающая большимъ жизненнымъ опытомъ и умѣньемъ въ данномъ случаѣ приложить его къ дѣлу. Будучи недюжиннымъ проповѣдникомъ, ты, уважаемый наставникъ нашъ, берешь на себя руководство въ этомъ дѣлѣ, преодолеваешь несомнѣнныя трудности и доводишь дѣло до конца. Созданная тобою въ семинаріи школа живой проповѣди—импровизаціи въ свое время обратила вниманіе общества и высшаго учебнаго начальства.

Какъ начальнику учебнаго заведенія, тебѣ приходилось имѣть дѣло съ внутреннею стороною жизни учениковъ: замѣчать дурныя наклонности, пороки, недостатки, исправлять оныя иногда мѣрами строгости и наказанія. Это обстоятельство въ большинствѣ случаевъ порождаетъ непріязнь и устанавливаетъ въ ученикахъ ложный, неправильный взглядъ на личность начальника. Ты строгъ

былъ къ проступкамъ учениковъ, настойчивъ въ преслѣдованіи и искорененіи зла и неумолимъ къ упорству и закоснѣлости. Отношенія твои, даже тонъ обращенія къ воспитаннику, опредѣлялись его поведеніемъ. Ласковый, обходительный съ хорошими, ты являлся холоденъ, требователенъ и даже суровъ въ отношеніи къ замѣченнымъ. Неудивительно, поэтому, что у тебя, какъ у всякаго начальника, въ средѣ воспитанниковъ было много недовольныхъ. Юные, незрѣлые умы не способны къ основательному, всестороннему сужденію и скоры на страстное и легкое заключеніе. Строгимъ требованіемъ исполненія ученическихъ обязанностей и правилъ ученической жизни ты воспитывалъ въ насъ одно изъ важнѣйшихъ чувствъ челоуѣка — гражданина, чувство строгаго, серіознаго отношенія къ своему дѣлу. Лѣнливымъ и нерадивымъ ты указывалъ на важность пріобрѣтенія этого добраго навыка съ юныхъ дней и, если не видѣлъ плодовъ своего вліянія, не замѣчалъ исправленія, съ болью въ сердцѣ говаривалъ: «ты и въ жизни такой будешь!»

Прости, нашъ дорогой наставникъ, что слабымъ указаніемъ здѣсь этихъ памятныхъ особенностей твоей педагогической дѣятельности мы окончимъ слово своей искренней и глубокой признательности тебѣ. Многолѣтняя и многоплодная дѣятельность твоя, несомнѣнно, найдетъ своего достойнаго дѣписателя. Настоящая тяжелая минута вѣчной разлуки съ тобою возбуждаетъ въ душѣ скорбныя чувства. Эти чувства испытываютъ всѣ, окружающіе гробъ твой. Но, *да не скорбимъ, якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Сол. 4—13). Въ скорбное сердце наше вливаетъ благодатную струю утѣшенія христіанская мысль, что ты предстаешь на судъ Божій съ великимъ спасительнымъ средствомъ умилоствленія. Цѣлый сонмъ

служителей Божіихъ принесеть безкровную жертву о прощени всѣхъ содѣянныхъ тобою прегрѣшеній вольныхъ и невольныхъ. И долго, долго, пока живы будутъ воспитанныя тобою поколѣнія, будетъ возноситься эта жертва на алтарь всепрощенія признательными тебѣ учениками,

Священникъ *Николай Поповъ.*

Р Ѣ Ч Ъ,

произнесенная при отпѣваніи тѣла протоіерея Данила Петровича Лебедева.

Отъ лица многочисленныхъ питомцевъ твоихъ я, — меньшій изъ нихъ, — желалъ бы спросить тебя, многолюбезный учитель, «камо идеши? Куда направляешь стопы своя? Гдѣ духъ твой ищетъ покоя своимъ мыслямъ, желаніямъ и чувствамъ? Нѣтъ отвѣта! Видно, жестокая рука смерти навсегда сковала уста твои, смежила очи и сердце твое обратила въ прахъ... Не хочется вѣрить, чтобы ты, всю жизнь свою подвизавшійся на поприщѣ слова и мысли, наконецъ оказался предъ нами безмолвнымъ, трудно представить, какъ это духъ твой, всегда ясный и бодрый, производившій ощутительныя впечатлѣнія на всѣхъ окружающихъ, могъ отрѣшиться отъ насъ такъ тихо, такъ незамѣтно...

Живо памятны мнѣ высокій полетъ твоей мысли и неподражаемый складъ твоей рѣчи, — ты умѣлъ крѣпко запечатлѣть ихъ въ памяти слушателя, но — прости мнѣ — если я теперь, въ минуты нашей разлуки, еще разъ желалъ бы приникнуть къ твоимъ мыслямъ, желалъ бы послушать, какъ намъ ты отвѣтишь, чѣмъ ты утѣшишь